

Е. Н. Черных

Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира

Том 1

УДК 902/904
ББК 63.4(2)
Ч 47

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 13-01-16008

Черных Е. Н.

Культуры кочевников в мегаструктуре Евразийского мира. Т. 1. М.:
Языки славянской культуры, 2013. — 368 с.

ISBN 978-5-9551-0674-8

Евразийский континент при его членении на основные геоэкологические зоны напоминает трехслойный «пирог», в котором различные слои последовательно накрывают друг друга с севера на юг. Середина «пирога» — это Великий Степной Пояс континента. Протянувшийся на восемь тысяч километров от Черного моря до моря Желтого этот Пояс служил в течение долгих тысячелетий доменом кочевых и полукочевых народов. Взаимоотношения кочевников со своими соседями, и особенно с южными — оседло-земледельческими культурами и цивилизациями, — практически всегда отличались чрезвычайной сложностью.

Первый том книги посвящен древнейшему периоду становления и формирования мира кочевников в мегаструктуре Евразии. Основными источниками для реконструкций истории культур данного периода являлись археологические материалы в широких пределах от эпохи Прото-металла до раннего железного века или же от IX / VIII вплоть до I тысячелетия до новой эры.

ББК 63.4 (2)

В оформлении книги использованы фотографии творений, принадлежащих скульптору и художнику Даши Намдакову. Некоторые иллюстрации предоставлены автору книги самим скульптором из его творческой мастерской, другие — воспроизведены из каталога выставки произведений «Ностальгия по истокам. Вселенная кочевников Даши Намдакова», состоявшейся в Санкт-Петербурге, в Государственном Эрмитаже в 2010 году; фото А. А. Бронникова и В. М. Бойко (СПб.: Издательство «Чистый лист», 2010).

На переплете на передней стороне изображение скульптуры — «Воин Чингисхана», на задней — «Старый воин», на контртитule — «Золотая Шория».

ISBN 978-5-9551-0674-8

9 785955 106748 >

© Е. Н. Черных, 2013

© Языки славянской культуры, 2013

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТОМ 1

Предисловие	11
Введение	13
Трагичное столетие	13
«Каждый пояс земли...»	14
Земля — прародитель всего сущего	15

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СТЕПНОЙ ПОЯС В МЕГАСТРУКТУРЕ ЕВРАЗИЙСКОГО МИРА

ГЛАВА 1. МЕГАСТРУКТУРА ЕВРАЗИЙСКОГО МИРА И ИСТОРИЯ ЕЕ СЛОЖЕНИЯ	21
Некоторые замечания о понятии мегаструктуры	21
Геоэкология, культуры и модели жизнеобеспечения	21
Долгий путь формирования мегаструктуры	25
Четыре материковых анклава	26
ГЛАВА 2. СТЕПНОЙ ПОЯС И МОДЕЛИ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ	29
Север — Юг — Запад — Восток	29
«Слоеный пирог» доменов трех моделей культур	30
Геоэкология Степного Пояса	34
Западноевразийская половина Пояса и ее границы	36
Джунгарские ворота и горная монгольская степь	38
Аравийские пустынные нагорья	45
Степной Пояс как домен пастушеских культур	45
ГЛАВА 3. СЕЧЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ТРЕХСЛОЙНОГО «ПИРОГА» ПО ВЕРТИКАЛИ	49
Что есть Восток с евроцентристской позиции?	50
Меридиональные геоэкологические «водоразделы»	51
Азия и Европа: где граница между ними?	52
Запад и Восток за рамками геоэкологии: антропология	57
Запад и Восток за рамками геоэкологии: лингвистика	59
Запад и Восток за рамками геоэкологии: идеологические системы	60

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
КУЛЬТУРЫ СКОТОВОДОВ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

ГЛАВА 4. ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ:	
РАЗЛИЧИЯ В БАЗОВЫХ ИСТОЧНИКАХ	71
Эпохи «дописьменная» и «письменная»	71
Различия в подходах и методах исследований	72
Археология и оценка ее источников	74
Сложности трактовки погребальных сооружений	77
Археологи в качестве представителей потустороннего мира	81
«Монгольский синдром» кочевых культур	84
ГЛАВА 5. «ДАРЫ» НОМАДОВ МИРОВОЙ ИСТОРИИ	86
Восприятие соседей и самооценки	86
Всадничество	88
Монотеизм	90
Курганы и мавзолеи	93
«Мост» между Востоком и Западом	96
Маятник колебаний культурных воздействий	96
ГЛАВА 6. КУЛЬТУРЫ НОМАДОВ В ЭПОХУ РАННЕГО МЕТАЛЛА	98
Конница и металл	98
Металл и историко-археологические эпохи	99
У истоков металлургии	100
Прочие инновации ЭРМ	102
Производство и нормативный фактор	103
ЭРМ — евразийский феномен	104
Территориальные «скачки» в зонах культур ЭРМ	105
Проблема пространственной стагнации	107
ГЛАВА 7. ЭПОХА ПРОТО-МЕТАЛЛА В ЕВРАЗИИ	110
Древнейший металл планеты	110
Восточная Анатолия	113
Центральная Анатолия	119
Левант: Иерихон и Тель Асвад	121
Эпилог эпохи Прото-металла	123
ГЛАВА 8. МЕТАЛЛУРГИЧЕСКАЯ «РЕВОЛЮЦИЯ»	
В БАЛКАНО-КАРПАТЬЕ	126
Начало эпохи металлов: медный век	126
Балканский неолит	127
Балкано-Карпатская металлургическая провинция и ее структура	129
Центральный блок провинции: Варненский некрополь	130
Центральный блок провинции: медный рудник Аи бунар	135

Второй блок провинции: трипольская общность	139
Третий блок провинции: степные скотоводы.....	141
Степные культуры и «синдром культурной непрерывности».....	145
Направление импульсов.....	147
ГЛАВА 9. У ИСТОКОВ ЦИРКУМПОНТИЙСКОЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ	149
Зарождение провинции: ранний бронзовый век.....	149
Майкопская культура больших курганов.....	152
Поселения майкопской общности	160
Хозяйство майкопской общности	161
Загадки майкопского феномена	162
ГЛАВА 10. ЦИРКУМПОНТИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ: КАВКАЗСКИЙ «МОСТ» МЕЖДУ СЕВЕРОМ И ЮГОМ	168
Средний бронзовый век: домен южный.....	168
«Оккупация» Балкано-Карпатья.....	169
Арслантепе: «Оружейный Зал» и «Царская Гробница»	172
Металл на Арслантепе и его параллели	175
Отблеск майкопского следа	177
От прото-ЦМП к ЦМП.....	180
Дрейф золота вокруг Черного моря.....	183
Северные топоры в южном исполнении.....	188
ГЛАВА 11. ЦИРКУМПОНТИЙСКАЯ ПРОВИНЦИЯ И НОМАДЫ СТЕПНОГО ПОЯСА	190
Средний бронзовый век: домен северный.....	190
Три блока северокавказских культур	190
Импульс на север: степные курганные культуры.....	194
«Ямная» археологическая общность культур	194
«Пионеры» освоения горно-металлургического производства	197
Первая волна с Запада на Восток.....	200
Катакомбная археологическая общность культур	202
Радиоуглеродная хронология степных культур и ее парадоксы	203
Ямная и катакомбная общности:	
где хронологическая грань между ними?	206
Морфологическая парадигма Оскара Монтелиуса: как быть с ней?	207
ГЛАВА 12. БОЛЬШОЙ ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ РЫВОК И ВЕЛИКАЯ СТАГНАЦИЯ	211
Поздний бронзовый век	211
Джинн, вырвавшийся из плавильного горна	212
Эпоха Великой стагнации: что это?	213
Ядро евразийских культур	215

ГЛАВА 13. ВТОРОЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ: КАРДИНАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ В ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ	218
Новые системы на руинах Циркумпонтийской провинции	218
Западноазиатская (Евразийская) металлургическая провинция: перемены в характере культур	219
«Демократический» облик степных культур	221
Западноазиатская провинция: у истоков формирования	222
Западноазиатская провинция: фаза стабилизации	225
Феномен Каргалов	229
Западноазиатская провинция: финал и распад	235
Вторая и третья волны миграций с Запада на Восток	240
Особенности Западноазиатской провинции: трудноразрешимые вопросы	241
ГЛАВА 14. СОСЕДИ ЗАПАДНОАЗИАТСКОЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ	243
Формирование новых систем	243
Европейская металлургическая провинция	244
Кавказская металлургическая провинция	251
Западноазиатская, Европейская и Кавказская провинции: акцент на различиях	256
Ирано-Анатолийская металлургическая провинция	259
Гиксосы — Манефон — Иосиф Флавий	265
ГЛАВА 15. РЫВОК ИЗ ЦЕНТРА АЗИИ НА ЗАПАД: ЧИНГИЗОВЫ ПРОВОЗВЕСТИКИ	269
Сейминско-турбинский транскультурный феномен	269
Некрополи или же мемориалы-жертвенники?	270
Сейминско-турбинский металл	274
Химико-металлургические группы	278
Фигурки животных и людей на сейминско-турбинском металле	279
Хоровод животных и «визитная» карточка восточных пришельцев	281
Культуры центра Азии и «монгольский синдром»	283
Воины-пришельцы	284
Финал СТ-феномена	286
ГЛАВА 16. ВОСТОЧНОАЗИАТСКАЯ И ДРЕВНЕКИТАЙСКАЯ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ПРОВИНЦИИ	288
В поисках сейминско-турбинского наследия	288
Карасукская культура и оформление Восточноазиатской металлургической провинции	289
Древнекитайская (Шан-Чжоу) металлургическая провинция	294

ГЛАВА 17. У ИСТОКОВ ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА	304
Пятый век Гесиода: металл ужасающий, металл-убийца.....	304
Пространственные и хронологические рамки эпохи железа	307
Периодизации технологические и социальные: проблема согласования.....	308
ГЛАВА 18. СКИФСКИЙ МИР ГЛАЗАМИ ГЕРОДОТА	310
Скифы: кто они?.....	311
Истоки скифов, по Геродоту.....	312
Похороны царей	314
Скифы и эллины: взаимные оценки	318
ГЛАВА 19. СКИФСКИЙ МИР ГЛАЗАМИ АРХЕОЛОГА	321
Скифский мир: что это?.....	321
Наследники «майкопа» — две тысячи лет спустя	322
Величие курганов скифского мира	323
Группы царских курганов и их география	328
Металлы у скифов	330
Источники металла.....	332
Скифское золото	334
Отречение от старого мира	339
Иррациональное в культуре	342
Сарматы сменяют скифов.....	346
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. КАЛЕНДАРНАЯ РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ «ДОПИСЬМЕННОЙ» ЭПОХИ ЕВРАЗИИ	349
Библиография	354

Часть первая

**СТЕПНОЙ ПОЯС
В МЕГАСТРУКТУРЕ
ЕВРАЗИЙСКОГО МИРА**

Глава 1

МЕГАСТРУКТУРА ЕВРАЗИЙСКОГО МИРА И ИСТОРИЯ ЕЕ СЛОЖЕНИЯ

Некоторые замечания о понятии мегаструктуры

Итак, важнейшие черты облика и характера различных культур в огромной степени и чаще всего предельно жестко зависели от тех геолого-географических условий, в которых обретались разнообразные человеческие сообщества (это, как мы теперь знаем, не составляло секрета даже для древних мыслителей). В настоящее время подобное междисциплинарное направление нередко именуют *геоэкологией*. Правда, трактовка и понимание данной науки и поныне далеко не всегда отличается четкими и достаточно согласованными формулировками, причем даже в среде специалистов. Однако для нас наиболее привлекательным является тот ее аспект, что нацелен на изучение «*пространственно-временных закономерностей взаимодействия природы и общества*», если следовать некоторым определениям энциклопедического характера.

В развитии этих кратких определений автор должен привлечь внимание читателя к понятию структуры мира — в данном случае Евразийского: оно обязательно будет являться как бы *двучастным*. Постоянным природным базисом подобного рода структур являются, во-первых, специфика геолого-географических характеристик той или иной Евразийской зоны (области), а во-вторых, предстающие в неперменной сопряженности с природным окружением оккупирующие ее группы людей — социумы. Особенности моделей жизнеобеспечения подобных социумов и характера их культур обыкновенно определяются рядом важных причин, и среди последних, как правило, на основное место претендует технологический уровень конкретной человеческой общности. Ведь именно господствующая в культуре технология жизнеобеспечения, в основе которой лежит умение извлечь из природного окружения те или иные, но желанные блага, и обуславливает базовый облик культуры и ее генеральную модель.

Геоэкология, культуры и модели жизнеобеспечения

Кажется резонным и даже неперменным предварить основные части нашей книги хотя бы кратким определением тех терминов и понятий, которых придерживается автор и с которыми читатель будет постоянно сталкиваться в тексте. Необходимость этого очевидна, поскольку далеко не все из подобного рода опре-

делений принадлежат числу устойчиво признаваемых и согласованных в широкой среде специалистов. Начнем же мы с одного из наиболее важных для нашей проблематики — с понятия культуры.

Культура — суть характер и способ существования некоего общества или социума. В ней заключены практически все стороны повседневного бытия любого социального организма. Ее структура включает в себя социальное устройство общества, характер материальных производств и технологии последних; здесь и господствующий в данном обществе язык, равно как доминирующее в социуме мировоззрение, а также идеологические каноны и формы их выражения на базе царившего там понимания мира и т. д.

Определим эту совокупность в качестве признаков так называемой **«живой»** культуры. Как правило, в ней и отражен способ существования некоего этноса. Чаще всего определение этноса вызывает среди этнологов весьма оживленную дискуссию. В понимании автора, этнос представляет собой в большей или меньшей степени обособленную от иных и соседних социумов популяцию, в которой все входящие в этот социальный организм люди признают себя членами данного этноса (т. н. «самоидентификация»). Практически всегда в рамках подобного этноса преобладает очень часто восходящее к мифическому истоку мнение о всеобщем биологическом родстве их членов, а также приверженность к представлению о социальном единстве. Также чаще всего этнос заключен в границах единого географического пространства.

Продолжением любой «живой» культуры является культура **«мертвая»**. Любая «живая» культура при завершении своего жизненного пути оставляет потомкам массу свидетельств своего бывшего существования в виде руин поселков или городов, некрополей, разнообразных артефактов. И тогда во всем этом богатстве начинают возникать черты уже иной культуры — культуры «мертвой», но тесно связанной со своей прародительницей. «Живую» культуру изучают этнографы, антропологи, историки, экономисты и др. Культура «мертвая» находится в едва ли не в монопольном владении у археологов. Поэтому такой своеобразный феномен-наследник практически всегда именуется **культурой археологической**.

Археологи всегда погружены во множество миров порой бесчисленных свидетельств некогда живого бытия разнообразных этносов. Но вот важнейшая проблема археологии: каковой должна выглядеть корректная расшифровка всего облика «живой» культуры? Ведь перед нами зачастую пусть многочисленные, но лишь мало выразительные осколки разбитого негатива стеклянной фотопластинки, на которых угадываются лишь отдельные элементы былой жизни. И еще один почти всегда острый вопрос: оставлена ли нам эта культура одним единственным этносом или же перед нами осколки полиэтничных социумов? Формации полиэтничные могут включать реально родственные и близкие по культуре объединения типа восточнославянских племен эпохи Киевской Руси (например, поляне, северяне, дреговичи и др.) или тюркских этносов (к примеру, близкие по огуз-

ским языкам группы — туркмены, турки, азеры и др.). Но ведь создавались даже и вовсе не родственные, но как бы искусственные мульти-этноты. Последние являлись своеобразным порождением имперских формаций, когда политически господствующий этнос насильственно ассимилировал ему подчиненные группы, объявляя под запретом этноты иные; либо же возникала химера квази-этноты типа «советский народ».

Наряду с этими формулируют и массу других вопросов. Вот, к примеру: на каком языке объяснялись эти — оставившие нам «мертвую» культуру — люди? Или — каковы были каноны их идеологии?.. По существу перечень таких вопросов кажется бесконечным, и профессиональные археологии чаще всего не склонны обольщать себя надеждой на быстрые и надежные ответы.

Однако на их фоне намного более перспективными выглядят те направления изысканий, когда археологи обращаются к каналам реконструкции древних производственных технологий.

В археологической практике одним из важнейших и характерных признаков культуры признается показатель уровня ее технологического развития, а в качестве первостепенной отметки служит оценка технологии жизнеобеспечения. Понятие «технология жизнеобеспечения» также очень емкое, и оно охватывает многие сферы бытия. Однако в изначальном или же базовом смысле под этим, безусловно, понимается обеспечение людей пищей, ведь без этого ни одна популяция или же культура существовать не могут чисто физически. Такого рода позиция позволяет весьма четко различать две основные технологии: **а) добычу пищи и б) производство пищи.**

Добыча пищи — если речь идет о животном мире — базируется на охоте и рыболовстве, а при обращении к растительному миру — только на собирательстве. Указанная технология предполагает лишь заимствование у природы или же присвоение людьми тех необходимых продуктов, которые регулярно воспроизводятся самой природой без участия в таких процессах человека.

Производство пищи предполагает целенаправленное воспроизводство человеком — или же его активное участие в подобного рода процессах — как растительных, так и животных видов питания. Этим достигается цель создания более надежных и по возможности максимально независимых от природных условий ресурсов. Важнейших источников для этого всего два: земледелие и скотоводство. Земледелие предполагает выращивание человеком некоторых видов растений: в Евразии для этой цели использовали по преимуществу злаки и бобовые. Скотоводство означает обладание уже одомашненными (доместицированными) видами некоторых животных, которые становятся для человеческих популяций основным источником мясной и молочной пищи. В громадном большинстве евразийских культур этой цели служил крупный и мелкий рогатый скот.

Такие термины, как «добыча» или же «производство пищи», в археологии в свою очередь служат основой для более емких понятий уже трех генеральных

моделей жизнеобеспечения: 1) экономики присваивающего типа, 2) производящей экономики и, наконец, 3) комплексной производящей экономики. Эти понятия моделей, как правило, охватывают то, что не только связано с обеспечением пропитания, но уже выходит далеко за пределы добычи пищи, к примеру, производство одежды — кожаной, меховой и т. п., — источником которой служили домашние или дикие животные. То же самое относится к производству, скажем, костяных орудий или оружия. Вполне понятно также, что собиратели и земледельцы использовали многие растительные виды не только для питания: дерево шло для построек, лен — для тканей и т. д. и т. п. Скотоводы разводили лошадей и верблюдов в подавляющем большинстве случаев не для использования их в пищу, но также для иных целей — военных, транспортных и т. п.

Наконец, третья генеральная модель — комплексная производящая экономика. Тогда по преимуществу в комплексе со скотоводством и/или земледелием люди постигают тайны горно-металлургического производства и металлообработки. В этом случае человек-мастер уже не соучастник в природных процессах воспроизводства, но истинный преобразователь природы: скажем, из зеленого хрупкого камня — малахита — он теперь в состоянии получить медь — новое, тяжелое, красное и ковкое вещество. То был революционный сдвиг, означавший для каждой культуры переход на принципиально новую и более высокую технологическую ступень развития

Автор сознает, что постулаты, обозначенные здесь в предельно кратком изложении, могут быть достаточно хорошо известны многим читателям. Но об этих моделях тем не менее следует напомнить, чтобы логика изложения о взаимосвязи моделей древней экономики с геоэкологическими зонами Евразии оказалась более понятной. И еще об одном: распределяя разнообразные социумы по разрядам земледельческих или же скотоводческих культур, мы стремимся нацелить внимание лишь на господствующую в данной общности экономическую модель жизнеобеспечения. Однако почти непременно в любом из социумов нетрудно подметить элементы иных моделей, играющих роли второстепенных или же третьестепенных спутников основного вида занятий. Например, невозможно назвать культуру скотоводов, в которой значительная доля общественной энергии не затрачивалась бы на занятия охотой. Да и земледельцы на практике почти никогда не обходились без стада домашних животных; однако выращивание злаков, без сомнения, поглощало их основное и время, и внимание. Собирательство непременно имело место у сообществ любой экономической модели; впрочем, от этого занятия, как мы знаем, люди не могут отказаться вплоть до нынешнего дня.

Нетрудно, наконец, наметить также относительную хронологическую последовательность появления трех основных моделей жизнеобеспечения. Вполне

понятно, что добыча пищи является собой наиболее архаичный комплекс технологий, по сути восходящий не только к эпохе раннего каменного века — палеолита, но по существу даже к животному миру. Палеолит же — к нему мы обратимся чуть ниже — всем культурам последующих эпох, независимо от их географической локализации, оставил в наследство единственно возможную в те поры модель жизнеобеспечения — экономику присваивающего типа. Однако уже очень скоро, в самом начале т. н. пост-палеолитических культур картина начала видоизменяться и усложняться порой весьма впечатляюще: на сравнительно монотонной в технологическом плане гигантской евразийской картине зазмеились выразительные «трещины» разделов и вздыбились явные «вершины», представшие свидетельствами зарождения культур более продвинутых экономических моделей. Стали проявляться признаки культур с производящей экономикой, а несколько позднее — даже модели комплексного производства.

Долгий путь формирования мегаструктуры

Та мегаструктура Евразийского мира, к которой мы будем — пусть неравнозначно, но почти неизменно — обращаться в главных разделах книги, сформировалась сравнительно недавно. Постепенное, хотя при этом довольно быстрое сложение ее ключевых элементов протекало уже в последние 12 тысяч лет, и этот финальный отрезок *четвертичного геологического периода, или же антропогена*, геологи именуют *голоценом*. Определение предшествующего ему периода в 2,5 или даже 2,6 миллиона лет звучит как *плейстоцен*, и тот отрезок по своей временной протяженности, как мы видим, более чем в две сотни раз превышал завершающий четвертичный период голоцен.

С плейстоценом связано начало человеческой истории и его древнекаменный век, именуемый в археологии палеолитом. Сегодня, пожалуй, как известно многим, именно

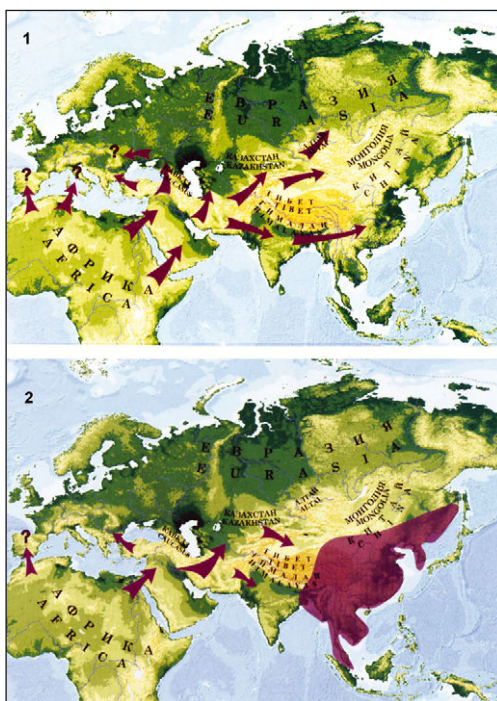

Рис. 1.1. Две волны миграции человека в Евразии из Африки в раннем палеолите: 1 — первая волна — ~ 2,0—1,5 млн лет назад; 2 — вторая волна — ~ 600 тысяч лет назад (Деревянко 2009, рис. 1 и 33)

с плейстоценом были связаны великие ледниковые периоды Северного полушария нашей планеты. В тот протяженный период ледяные могучие панцири закрывали собой многие миллионы квадратных километров севера Евразийской суши, и в определенном ритмичном повторе то надвигались к югу, то медленно отступали на сотни километров.

Тогда, примерно 2 или 1,5 миллиона лет назад, из Африки на пространства южной Евразийской окраины ступили (рис. 1.1: 1) наши двуногие предки вида *Homo erectus* (человек прямоходящий или же прямоходящий), *Homo habilis* (человек умелый), *Homo ergaster* (человек способный к творчеству). С этими разновидностями *Homo* и были связаны самые ранние периоды палеолита, а также вторая волна переселения из Африки в Евразию (рис. 1.1: 2). Их постепенное биологическое развитие завершилось появлением вида *Homo sapiens sapiens*, что означает в буквальном переводе с латыни «человек разумный, разумный».

В скобках хочется заметить, что для автора и доныне остается необъяснимым дублирование — «разумный, разумный». Что это должно значить: разумный до невозможности? Или что-то еще?... Во всяком случае, именно к этому виду «до невозможности разумных людей» относимся, судя по всему, и мы с вами.

Этот последний и якобы венчающий развитие человечества вид *Homo*, зародившись в недрах позднего палеолита, пересек разделительную грань между эпохами плейстоцена и голоцена и, в конечном итоге, предстал основным творцом бесконечного ряда пост-палеолитических культур. Их история оказалась уже целиком связанной с периодом голоцена.

В голоцене — этой дрящейся до наших дней эпохе в истории Земли — почти сразу обозначился ряд глобальных и по преимуществу геоэкологических инноваций, непосредственно и весьма жестко отразившихся на существовании и судьбе практически всех человеческих пост-палеолитических сообществ. Вот очень краткий перечень важнейших из них и, прежде всего, тех, что оказались самым тесным образом сопряженными с историей евразийских социумов:

- изменение климата и исчезновение ледников;
- формирование новых геоэкологических зон и областей;
- перемены в характере и видовом составе животного мира;
- революции в технологии жизнеобеспечения;
- скачкообразный рост неравномерности исторического (культурно-технологического) развития на планете: в чем причина?

Четыре материковых анклава

Наверное, мы должны специально указать здесь на еще один — но исключительной важности — признак голоценовой эпохи: образование четырех по суще-

ству изолированных друг от друга материковых «анклава» — Евразии, Африки, Америки и Австралии.

Прилагая к таким гигантским объектам — материкам — термин «анклав», мы намеренно идем на нарушение традиции употреблять это понятие по отношению к несопоставимо более мелким территориальным подразделениям, частично или полностью изолированным друг от друга. Но мне кажется, что в данном случае такое несущественное терминологическое отступление не может повредить основному смыслу обсуждаемой здесь проблематики.

В результате таяния гигантских масс льда узкий и нестабильный Берингов «мост», связывавший до тех пор Евразию с Америкой, оказался полностью поглощенным волнами поднявшихся более чем на сотню метров вод Северного и Тихого океанов. Ведь именно по нему пролегли пути переселения позднелитических евразийцев на Американский материк. По всей видимости, в еще более ранние тысячелетия Тихий и Индийский океаны перекрыли другой — юго-восточный — узкий и очень длинный тропический сухопутный «мост» между Азией и Австралией (рис. 1.2). На крайнем западе и на юге Евразии за счет этих глобальных климатических сдвигов раздалась вширь и превратилась для палеолитических людей в неодолимые барьеры Гибралтарский и Баб-эль-Мандебский проливы, а Суэцкий перешеек между Африкой и Азией, наоборот, оказался сильно «сдавленным» водами Средиземного и Красного морей. Именно тогда — уже с начала голоцена — претерпел перемены и весь облик планеты.

Впрочем, с геолого-географической точки зрения, произошедшие искажения береговых континентальных контуров вряд ли можно было относить к числу заметных и сколько-нибудь значимых. Однако для истории человеческих общностей кажущиеся внешне незначительными изменения в абрисе береговых линий роль сыграли чрезвычайную. И разумеется, самым главным здесь явилось фактическое пресечение тех путей, по которым пролегли линии активных связей между крупными популяциями на всех материках Земли.

Правда, Евразию и Африку по-прежнему связывал узкий Суэцкий перешеек, однако роль этого зыбкого мостика в долгой истории большинства африканских культур кажется в начале голоцена относительно мало значимой. Тем более, что мы должны подчеркнуть здесь главное: при обсуждении различных аспектов очевидной изоляции Африки от Евразии обычно подразумевают области, расположенные южнее Саха-

Рис. 1.2. Пути расселения человека в эпоху верхнего палеолита из Евразии в Америку и Австралию

ры — а это примерно 20 млн кв. км, — но не северные. Последние, площадью до 10 млн кв. км, были связаны уже с долиной нижнего и среднего Нила, либо вплотную прилежали к Средиземноморскому побережью. Древние культуры Северной Африки оказались как бы «подключенными» к общеевразийским, но не к южно-африканским моделям развития.

Для нас же, интересующихся структурой нашего континента в связи с историей народов Евразийского Степного Пояса, наиболее примечательным событием можно считать обособление и изоляцию от иных частей суши самого крупного материка Земли — Евразии. Тогда же началось сложение и проявление тех ключевых элементов геоэкологической структуры Евразии, которую мы можем наблюдать и сегодня.

Однако вряд ли можно полагать, что такого рода перемены свершились одновременно. Скорее всего, этот процесс оказался достаточно растянутым во времени и пространстве. В геохронологии и в геологии четвертичного периода дату начала голоцена ученые предпочитают определять максимально точно: **11700 лет тому назад**. Однако для археологов и историков ориентация на эту хронологическую «точку» — чрезмерно определенную в своей безусловно-сти — вряд ли покажется убедительной. Для более корректного различения эпох голоцена и плейстоцена эту точку, по всей вероятности, необходимо «растянуть». Ведь основным признаком несходства обеих эпох служили ледники; до голоцена они покрывали гигантские площади, а в голоцене их как бы уже не стало. Но это не так или не совсем так: ведь исчезновение ледового панциря не могло свершаться в таком поразительно стремительном темпе. Процесс этот, по всей видимости, достаточно активно протекал и 14—12 тысяч лет назад. Да и позднее, скажем, 11 и 10 тысяч лет назад не такой уж редкостью было натолкнуться на отдельные, достаточно крупные, хотя уже изолированные друг от друга ледовые массивы — остаточные фрагменты бывшего ледового панциря. Так, скажем, на севере Американского материка в конце плейстоцена и в раннем голоцене сохранялись два могучих ледяных «щита» — Лаврентийский (восточный) и Кордильерский (западный). То были гигантские остатки бывшего сплошного ледяного покрова в Северном полушарии.

И по этим причинам можно думать, что черты важнейших контуров Евразийской геоэкологической структуры вряд ли могли сложиться ранее VII—VI тыс. до н. э., или же примерно девять или же восемь тысяч лет назад.

Глава 2

СТЕПНОЙ ПОЯС И МОДЕЛИ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

Север — Юг — Запад — Восток

Вмегаструктуре гигантского тела Евразийского мира вполне возможно и, пожалуй, не столь уж трудно различить ее важнейшие «мега-составляющие». По широтной вертикали, или же по линии «Север—Юг», в качестве путеводных перед нами предстанут важнейшие геоэкологические зоны Евразии. Их основные облик, характер и местоположение на нашем материке, как мы уже говорили в предшествующей главе, оформились довольно поздно — спустя несколько тысячелетий после перехода от плейстоцена к голоцену. Зоны располагались в определенном порядке, как бы налегая и перекрывая друг друга с севера на юг, отчего эта картина весьма стала напоминать своеобразный «слоеный пирог» (рис. 2.1). Важнейшие составляющие этого «пирога» и послужили устойчивыми доменами для культур различных моделей жизнеобеспечения.

При горизонтальном или же меридиональном членении мегаструктуры Евразийского мира по линии «Запад — Восток» ее генеральная картина будет сильно отличаться даже в самом принципе «конструкции». Здесь геоэкологические зональные контрасты также будут играть определенную роль, однако на первый план выступят признаки уже совершенно иного свойства. Среди них наибольшее значение мы будем придавать, во-первых, ключевым различиям в антропологии популяций Востока и Запада Евразии. Во-вторых, здесь будет различаться характер основных лингвистических семей обеих половин континента. И наконец, в-третьих, мы не сможем пройти мимо резкого контраста важнейших идеологических систем, господствующих в каждой из этих частей Евразийского мира. Поэтому при опоре на эти признаки искомая линия своеобразного водораздела между Востоком и Западом должна будет рассекать обоснованный геоэкологическими признаками «слоеный пирог» доменов на две почти равные части (рис. 2.2).

Кажется достаточно очевидным, что в качестве «первичных» или же исходных нам необходимо будет признать признаки геоэкологического характера и связанные с ними модели жизнеобеспечения древних социумов. Ведь именно они обусловили и смогли олицетворить ту — фактически сакральную в понимании множества разновременных культур и цивилизаций — связь человека с Землей, породившей едва ли все самое значимое и сокровенное в нашем мире.

Автор, конечно же, не является последователем этих мировоззренческих канонов древних греков, о чем мы вели речь еще во введении. Однако в них, как

мы говорили, совсем нетрудно уловить некий здравый, глубинный смысл: именно земля является базовым источником и творцом знаковых черт каждой человеческой культуры. Другие признаки популяций и их социумов — антропологические, лингвистические, идеологические, а также ряд иных — предстают перед нами уже в качестве как бы «вторичных», ведь их связь с Землей проявляется лишь косвенно. По этой причине нам будет резонным рассмотреть первоначально детали мегаструктуры по широтному сечению Евразии по линии «Север—Юг», а только потом обратиться к признакам меридионального членения.

«Слоеный пирог» доменов трех моделей культур

К старту Эпохи Раннего Металла, или же к V тыс. до н. э., вполне ощутимо стали проявляться стабильные черты устойчивого порядка в распределении экономических моделей по широтному признаку. К концу III тыс. до н. э. полотно основных технологически сходных блоков культур Евразийского мира по вертикали «Север — Юг» приобрело окончательный вид: сформировалась базовая конструкция мегаструктуры всего материка. С этого времени картина широтного технологического расслоения Евразийских сообществ сохранила свои важнейшие черты вплоть до рубежа Нового Времени, или же в течение последующих четырех тысячелетий. История формирования вертикали «Север — Юг» чрезвычайно интересна и важна, и мы обязательно будем очень часто возвращаться к некоторым ее ключевым сюжетам. Поэтому следует более подробно ознакомиться с основными конструктивными деталями намеченной вертикали.

Сложившаяся геоэкологическая структура и послужила тем фундаментом, на котором к финалу III тыс. до н. э. на всем неохватном пространстве Евразийского материка сформировались три важнейшие, устойчивые по своей конструкции, но несходные между собой модели жизнеобеспечения евразийских археологических общностей: 1) *охотники, рыболовы и собиратели*, 2) *мобильные — кочевые или полукочевые — скотоводы* и 3) *оседлые земледельцы*.

На приводимой карте (рис. 2.1) хорошо видны порядок и расположение трех указанных суб-миров или же доменов Евразийского континента. «Покрывало пирога» — суровый и холодный северный мир охотников-рыболовов и собирателей. База «пирога» — знойный и разноликий мир оседлых земледельцев. Оба домена протянулись многотысячекилометровыми полосами с запада на восток — от Атлантики вплоть до морей Тихоокеанского бассейна. «Верхний» и «нижний» миры весьма четко и, пожалуй, даже непроходимо отчленил друг от друга растянувшийся на долгие восемь тысяч километров домен мобильных скотоводов.

Исключение в таком строгом разделении изолированных «слоев пирога» составлял, пожалуй, лишь западный фланг континента, или же европейский регион, где в Восточной Прибалтике и на самом юге Скандинавии земледельческие народы входили в непосредственный контакт со своими соседями — охотниками, рыболовами и собирателями.

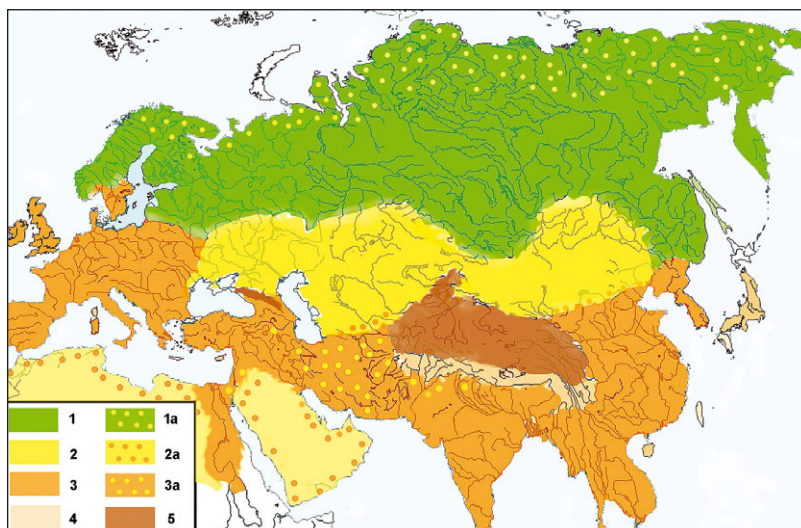

Рис. 2.1. Ареалы основных геоэкологических зон Евразии и господствующих моделей жизнеобеспечения культур:

1 — лесная и тундровые зоны; ареалы культур собирателей, охотников и рыболовов; 1а — ареал культур оленеводов; 2 — Степной Пояс (от Черного до Желтого морей); ареал кочевого и полукочевого скотоводства; 2а — земледельческие (оазисные) культуры в скотоводческих ареалах; 3 — зоны господства оседлых земледельческих культур; 3а — скотоводческие культуры в ареалах земледельческих культур; 4 — подгорные зоны; смешанный тип моделей жизнеобеспечения; 5 — высокогорные зоны; неопределенный (смешанный) тип моделей жизнеобеспечения

Рис. 2.2. Границы Степного Пояса: 1 — фиолетовый пунктир. Западный и восточный домены Евразии; 2 — разделенный по красному пунктиру. Джунгарские ворота (синие стрелы)

Металлургия и/или металлообработка являлись неперенными занятиями как у скотоводов, так и у оседлых земледельцев, отчего мы и помещаем экономику последних в разряд *комплексной производящей*. Охотники и рыболовы южной полосы лесной зоны Евразии если и знали металл, то в большинстве случаев редко; да и медь там почти никогда не играла сколько-нибудь значимой роли. По этой причине экономику лесных народов мы и причисляем к категории *присваивающих*. Каждая из совокупностей культур одной из трех основных моделей оказалась четко сопряженной с конкретной геоэкологической зоной, служившей надежным доменом для этих столь непохожих друг на друга общностей.

С геоэкологической позиции наиболее однородной выглядит, пожалуй, лесная, лесотундровая и полярно-тундровая зона Евразии — домен охотников, рыболовов и собирателей. Она простиралась без каких-либо заметных перерывов вдоль Северного Ледовитого океана — от Атлантики вплоть до Тихого океана, покрывая до 17—18 млн кв. км. Определенной аномалией на этой сравнительно монотонной в технологическом смысле картине культур охотников, рыболовов и собирателей выглядят крайне малочисленные полукочевые и кочевые группы оленеводов, передвигавшихся по тундровой и лесотундровой зонам на крайнем севере Евразийского континента.

Иной предстает зона мобильных скотоводческих культур. В их домене легко различить два изолированных друг от друга ареала. Основная часть домена — это и есть знаменитый Степной Пояс Евразии, пересекающий континент от Желтого моря на востоке вплоть до Северного Причерноморья на западе (точнее — даже до устья Дуная) и упирающийся в отроги Восточных Карпат. Другая, но уже существенно меньшая часть домена, оккупированная кочевыми и полуседлыми скотоводами — это Аравийский полуостров, который порой считают субконтинентом. Оба во многих чертах родственных ареала отклоняет друг от друга зона господства земледельческих культур нагорий Ирана и Анатолии (рис. 2.1, 2.3).

Наконец, южный домен оседло-земледельческих культур являет собой наиболее крупную, и вместе с тем пеструю, порой даже контрастную в геоэкологическом отношении зону. Охватывая суммарно до 22—23 млн кв. км, этот домен включает в себя не только исключительно пригодные для высокопродуктивного земледелия ареалы, подобно хрестоматийно известным речным долинам Нила, Тигра и Евфрата, Инда, Хуанхэ и других, но также регионы оазисов, изолированных и как бы вкрапленных в те аридные области, где занятие земледелием казалось либо невозможным, либо относилось к числу «рискованных».

Весьма существенная доля в южной зоне приходится на высокогорные области, подобные гигантскому узлу и запутанному лабиринту хребтов Тибето-Гималайской системы, включающей также хребты Памиро-Тянь-Шань. В том же ряду оказывается, к примеру, и несравненно менее значимая система Главного Кавказа. Подобного рода высокогорья занимали в южном «слое» суммарно не менее 4—5 млн кв. км, и оседлое земледелие в узких и сжатых ущельях долин их рек и речек вряд ли могло играть сколько-нибудь значительную роль. Кроме того,

такие могучие узлы горных систем расчленили весь южный домен на составные и зачастую весьма строго изолированные друг от друга регионы. Когда наше внимание от вертикали «Север — Юг» переместится к горизонтали «Запад — Восток», мы обязательно вновь обратимся к Тибето-Гималайскому узлу: ведь эта самая мощная в Евразии антиклиналь играла роль чрезвычайно трудно преодолимого барьера, разделявшего на западный и восточный части домен южных земледельческих популяций.

Каждая из трех основных составляющих вертикали «Север — Юг» оказалась представленной своеобразным блоком культур и сообществ. И каждый из блоков занимал в многотысячелетней истории евразийских народов место особое, но, разумеется, далеко не однозначное.

Самой малозначимой в длительном историческом «сериале» выглядит роль северного блока охотников, рыболовов, собирателей. Их многочисленные и рассеянные от западного до восточного флангов Евразии культуры на фоне более южных общностей представляются нам относительно монотонными. Специалисты по археологической картине этих северных общностей, скорее всего, не согласятся с этим утверждением: они укажут на различия в орнаментации глиняной посуды, в формах кремневых орудий, в планировке жилищ и т. п. Но автор имеет в виду именно генеральные черты и детали их бытия, обусловленные родством моделей жизнеобеспечения. Позднее, когда обсуждение переключится на евразийскую горизонталь «Запад — Восток», потребуются обратиться уже к ряду достаточно заметных отличий между популяциями Западной и Восточной Сибири, но они в большей степени будут опираться уже на иные признаки.

По всей видимости, в основе существования народов лесного домена был прочно заложен принцип самодостаточности. Носителей этих культур мало волнует и привлекает то, на чем строят свою жизнь южные соседи. Технологические достижения южан их почти не интересуют или же захватывают крайне редко: иначе сдвиги в этом плане археологи заметили бы непременно. Юг болезненно затрагивает лесных охотников лишь в те моменты, когда агрессивные степняки врываются в их владения с требованиями ясака. Их южных соседей, как в бронзовом веке, так и много тысячелетий спустя, вплоть до Нового времени, добытая лесными охотниками пушнина интересует прежде всего. Ясак степные соседи могут требовать лишь когда они чувствуют себя в полной силе. Но если они слабы, разбиты и унижены врагами, то среди бесконечных и чуждых для их привычного окружения и менталитета лесных пространств и болот они жаждут лишь укрытия и спасения от победоносных недругов. Как правило, археологи и этнологи общности охотников, рыболовов и собирателей почти без колебаний относят к разряду так называемых первобытно-родовых или же первобытнообщинных, хотя и сами термины и наполнение каждого из них могут не совпадать в представлении и изложении у различных исследователей.

Мнения исследователей, стоящих на самых различных позициях, сходятся в согласии, что наибольшее многообразие социально-экономических структур

в III—II тыс. до н. э. было сконцентрировано, конечно же, у народов южного оседло-земледельческого домена. Этому удивительному и гигантскому калейдоскопу ярких и ярчайших культур посвятили и археологи, и историки неисчислимую массу работ — от многостраничных талмудов вплоть до статей в энциклопедиях и заметок в журналах. Перед нашими глазами проходят бесконечные высоконаучные, а также не вполне научные изложения древнейшей истории Египта, Ура, Вавилонии либо иных исходных цивилизаций Месопотамии и Леванта, или же неприступных твердынь «горных орлов» анатолийской империи Хеттов. Переваливая к востоку горный узел Тибета-Гиндукуша, мы начинаем перелистывать гораздо менее известные для европейцев страницы истории мифического и трудно доказуемого прародителя китайских государств — Ся — либо уже вполне реальных на Востоке Евразии царств Шан и Западного Чжоу...

Автор совершенно не склонен в очередной раз формулировать и повторять те зачастую прописные истины, касающиеся всей длинной череды мира южного домена; он полагает, что все эти вполне хрестоматийные сюжеты достаточно широко и неплохо известны читателям нашей книги.

Однако обсуждение различных сторон «слоеной» евразийской вертикали «Север — Юг» провоцирует заключение, что в генеральном контексте нашей темы для нас будет гораздо интереснее и в чем-то важнее обращение к проблемам и характеристике Степного Пояса Евразии, служившего долговременным и чрезвычайно устойчивым доменом скотоводческих культур. Своими важнейшими признаками Степной Пояс весьма отличен как от северного (лесного), так и от южного (оседло-земледельческого) доменов не только в геоэкологическом смысле, но также в отношении теснейшего симбиоза с ним особого типа культурных образований — мобильных скотоводческих общностей. Вот почему домен Степного Пояса очень заманчиво определять также в качестве срединного разделителя основной широтной вертикали Евразийского континента между Севером и Югом. Именно эта позиция обусловила крайне специфическую и важную его роль в многотысячелетней истории евразийских культур. При всем этом его истинная и чрезвычайно сложная роль в истории евразийских народов освещена несопоставимо хуже, нежели, скажем, характер и облик цивилизаций южного домена. Причем касается это не только исторических фолиантов, но также разнообразных публикаций археологических материалов. Именно эти причины и заставляют нас в следующих разделах более подробно охарактеризовать как геоэкологию евразийского Степного Пояса, так и феномен кочевых и полукочевых пастушеских социумов.

Геоэкология Степного Пояса

Тотальная протяженность Степного Пояса Евразии близка восьми тысячам километров. Его общий территориальный охват достигает также восьми, но уже

миллионов квадратных километров (рис. 2.2). Базовыми чертами СП служат прежде всего ландшафтно-экологические признаки:

1) отсутствие или же явно подчиненная доля лесного покрова при полном господстве покрова травянистого;

2) континентальный или даже резко континентальный аридный (засушливый) климат с жарким летом и морозной зимой;

3) простираение по умеренным широтам Евразийского материка.

Понятие Степного Пояса должно восприниматься как относительно условное: по существу перед нами весьма сложный геоэкологический феномен. Важнейшей причиной принятого здесь наименования послужило то, что протяженная степная полоса в этом Поясе занимает центральную, как бы осевую, линию. Сама степь на всем необъятном широтном протяжении предстает перед наблюдателем в облике весьма и весьма разнообразном. Такой вывод вполне очевиден не только в процессе сопоставления основных элементов растительного покрова, но, пожалуй, различия бросаются в глаза еще более выпукло даже при простом наблюдении за геоморфологическими особенностями различных регионов. Степь может открывать себя либо в виде абсолютно плоской равнины, подобной, скажем, пейзажам Северного Прикаспия, либо в облике степи горной, характерной, например, для огромного монгольского ареала. По всей видимости, именно эта разноликость и явилась причиной неожиданного множества определений — вроде как степь причерноморская, прикаспийская, южноуральская, алтайская и многие другие.

С севера к собственно степи в большинстве регионов примыкает обширная полоса лесостепей. Уже из самого определения следует, что в лесостепи заметно нарастает доля древесного покрова. Проводить же между степью и лесостепью отчетливо выраженную и четко маркированную границу практически нереально, — эта грань крайне туманна и весьма неопределенна. Аналогичный вывод следует и в отношении южных приграничных полос Степного Пояса. Здесь в ряде регионов — от Северного Каспия вплоть до восточного фланга всей полосы — к степи подступают полупустыни и пустыни. Границы между степью и полупустыней также выглядят крайне размытыми и неясными. Столь же расплывчаты и туманны критерии различий между полупустыней и пустыней.

Контурные основные ареалы охвата Степного Пояса «правильными» очертаниям и отнюдь не отличаются. Даже беглый взгляд на карты (рис. 2.1; 2.2) позволяет различить в самом Поясе две явные «половины» — западную (или западноевразийскую) и восточную (или восточноевразийскую). Граница между ними выражена весьма четко и вряд ли может быть подвергнута сомнению: это знаменитые Джунгарские ворота. Они отражаются на карте (рис. 2.3) в виде резко суженного перехвата, своеобразного «гирла» (об этих воротах более детальная речь пойдет несколько ниже). Территориальные охваты обеих частей примерно равны: в пределах 3,8—4,2 млн кв. км. Восточноазиатская «половина» предстает внешне как будто более однородной по овалному контуру абриса ее охвата (исключая, пожалуй, пустыню Такла-Макан). В западноевразийской

Рис. 2.3. Джунгарские ворота и два основных прохода между Алтаем и Тарбагатаем (долина Иртыша), между Тарбагатаем и Джунгарским Алатау (Алаколь и Эби-нур). Космическая съемка (Над Землей: 86)

же «половине» слабо заметен некий раздел между т. н. восточноевропейской и западноазиатской частями (рис. 2.2). Последняя по площади существенно больше — 2,5 млн кв. км против 1,5 — а их граница маркирована своеобразной «перемычкой» — отрогами Южного Урала и всхолмленностью Мугоджар, вплоть до поразительно плоской и унылой полупустыни северного Прикаспия.

Начиная краткий обзор восточной и западной частей или же половин Степного Пояса, мы готовы понемногу затрагивать то генеральное членение Евразийской мегаструктуры, определяемое уже как меридиональное распределение «Запад — Восток».

Западноевразийская половина Пояса и ее границы

Край западной зоны Степного Пояса начинает проявлять себя уже в бассейне Нижнего Подунавья. Здесь относительно узкая полоса степи (рис. 2.4) вплотную прилегает к северо-западному побережью Черного моря, следует вдоль его побережья, охватывает северный Крым, потом по периметру огибает море Азовское. Морские границы сменяются мощным и трудно преодолимым валом Большого Кавказа. Лишь у побережья Каспийского моря «стена» гор как бы отступает на запад: здесь намечается знаменитый Дербентский проход, который служил долгие тысячелетия наиболее удобным путем для мирных или немирных контактов различных народов севера и юга. Крутые изгибы берегов Каспия вновь предельно ясно очерчивают южную грань Степного Пояса. К юго-восточному побережью этого огромного моря-озера (в древности его именовали Хвалынским) близко подходит хребет Копетдага. Хотя эта горная система и не в состоянии сравниться с выразительной мощью

Рис. 2.4. Степи западного ареала пояса отличаются более спокойным рельефом, мягким климатом и растительным покровом (Южное Приуралье)

Рис. 2.5. Каракумы. Барханы в этой пустыне встречаются не столь уж часто; преобладают солончаковые равнины

Рис. 2.6. Каракумы. Солончаковые равнины внезапно прерываются сравнительно невысокими горными цепями Копетдага. Так в этом ареале четко очерчивается южная грань Степного Пояса